

— Господин Чжан Ли знаком с Люй Бувэем? — чутко среагировал молодой офицер, командовавший отрядом. В его взгляде мелькнуло подозрение.

Чжан Ли словно и не заметил настороженности военного. Он небрежно кивнул, не сводя глаз с Люй Бувэя, и усмехнулся:

— Случалось как-то. Когда я терпел бедствие, великий торговец Люй проявил редкое благородство: приютил меня у себя... запер в дровяном сарае и вознамерился при первой же возможности сбыть как безмозглую скотину.

На этих словах Чжан Ли умолк. С его лица сбежала улыбка, уступив место гневному презрению.

— Великий торговец Люй! Надо же, и ты дождался дня, когда тебя ведут в колодках. Хочешь, я, Чжан Ли, выпрошу аудиенцию у господина Пинъюаня и вымолю для тебя пощаду? Спасу твою собачью жизнь?

Люй Бувэй в упор уставился на него, приоткрыв рот в попытке возразить, но Чжан Ли безжалостно оборвал его на полуслове:

— Хочешь что-то сказать, Великий торговец Люй? Такие, как ты — презирающие долг ради наживы, — заслуживают любой кары. В своей жалкой участи вини лишь себя и не смей более открывать рот.

Встреча с Чжан Ли в таком месте и без того ошеломила Люй Бувэя, но упоминание господина Пинъюаня мигом прояснило картину. Он вспомнил, как во время их первого знакомства Чжан Ли вскользь упомянул, что некогда служил советником у этого влиятельного вельможи.

"Неужели из-за того, что я запер его? — лихорадочно соображал Люй Бувэй. — Чжан Ли затаил обиду, сбежал, вернулся к господину Пинъюаню и выложил всё о побеге Ин Ижэня... Нас держали на мушке с самого начала, ждали лишь удобного момента, чтобы взять с поличным!"

Глаза купца налились яростью. Не выдержав, он процедил сквозь зубы:

— И кто же из нас двоих ничтожнее, господин Чжан Ли?

— Со временем сам всё поймёшь, Великий торговец Люй, — презрительно усмехнулся Чжан Ли. — Мне не о чем с тобой разговаривать.

Он отвернулся от пленника и учтиво поклонился предводителю дозора:

— Прошу простить, что задержал вас.

Их перепалка произошла на глазах у всех. Солдаты без труда почуяли глухую вражду между путником и арестованным, что окончательно рассеяло подозрения молодого офицера.

Вернув поклон, он вежливо произнёс:

— Счастливого пути, господин Чжан Ли. Ступайте с миром.

— Благодарю за службу. Войско Царства Цинь уже на подходе, берегите себя. До встречи, — попрощался Чжан Ли с воинами Царства Чжао, поднялся на подножку и скрылся в глубине экипажа.

Телега покатила дальше.

Цинь Цзычу, бережно баюкавший на руках маленького Ин Чжэна, слышал каждое слово этой беседы. На душе у него было беспокойно.

Он прекрасно помнил всё то хорошее, что сделал для него Люй Бувэй. Пусть купец преследовал корыстные цели, он ни в чём не отказывал своему подопечному: кров, пища, одежда — обо всём заботился до мелочей, окружая неподдельным вниманием.

Какими бы тёмными ни казались замыслы Люй Бувэя, отрицать его неоценимую помощь было глупо. В глубине души Цзычу чувствовал себя должником.

Он мягко коснулся ладонью лба сына и негромко, со вздохом произнёс:

— А-Чжэн, если честно... Люй Бувэй угодил в эту ловушку по моей вине. Я сознательно подтолкнул его. Я знал, что для него выгода превыше чести — ради неё он пойдёт на любое безумство. Потому и отказался ехать с ним, когда встал выбор между богатством и жизнью. Разумеется, шкура дороже золота, и его выбор меня не удивил. Он сам принял решение, но на сердце у меня всё равно скверно. Одно скажу точно: тебя я не брошу никогда.

С этими словами Цзычу привычно поцеловал пухлую щёчку младенца. Тяжесть, давившая на грудь, немного отступила. Он тихонько усмехнулся:

— Глупости какие-то говорю... Главное, что мы с тобой в безопасности, больше мне ничего не нужно. Ни Люй Бувэй, ни Чжао Цзи не стоят моих слёз. Если бы они не бросили нас, я бы открыл им способ скрыть следы, и мы спаслись бы вместе. Но раз они решили сделать из нас живую приманку, чтобы выиграть себе время... что же, это заслуженное возмездие.

Ин Чжэн удивлённо захлопал густыми ресницами. Цзычу тут же расплылся в нежной улыбке, перехватил его крошечную ручку и принялся осыпать поцелуями ладошку, совершенно не заметив, как во взоре младенца промелькнуло глубокое изумление.

Несмотря на то, что они знали друг друга без году неделю, умудрённый колоссальным жизненным опытом Ин Чжэн сразу разглядел истинную натуру своего «отца». Тот казался человеком мягкосердечным, приветливым, умеющим ладить с людьми, но совершенно не знавшим вкуса чужой крови. Чистым и непорочным до неправдоподобности.

Ин Чжэн не удивился бы, если бы Цзычу бросился на амбразуру ради чьего-то спасения. Но услышать от этого тихони признание в том, что он хладнокровно сыграл на слабостях Люй Бувэя и загнал того в капкан... Это ошеломяло.

И всё же... такой отец нравился ему гораздо больше.

Доброта в их жестоком мире — роскошь, доступная немногим, а вот простодушие и вовсе не стоит считать добродетелью. Для мужчины королевской крови излишняя наивность — смертный приговор, непростительный изъян. И то, с каким ледяным спокойствием Цзычу рассуждал о собственной интриге, вызвало у Ин Чжэна странное, почти противоестественное чувство облегчения и гордости.

"Я о собственных сыновьях так никогда не пёкся, — мысленно проворчал будущий император. — Неужели Ин Ижэнь действительно годится мне в отцы?"

Он недовольно завозился, пытаясь расшевелить слабое, непослушное тельце. Расчёт оправдался мгновенно: «отец» тут же позабыл о своих терзаниях и, точно глупый деревенщина, принялся восторженно ловить каждое движение его крошечного лица.

"Никакого величия! Если так любишь детей, наплодил бы ещё десяток, к чему так дрожать над одним младенцем?" — строго судил Ин Чжэн.

В конце концов, стоит лишь прибрать к рукам власть, и любые красавицы мира приползут на коленях, вымаливая мимолётную ласку и мечтая понести от великого клана Ин. У него самого в прошлой жизни было четырнадцать сыновей. Когда наследников пруд пруди, ценность каждого из них стремится к нулю. И даже будучи сейчас беспомощным ребёнком на руках у Цзычу, Ин Чжэн не собирался отказываться от своих убеждений.

Но, признаться честно, эта забота и искреннее тепло были ему приятны. Только поэтому он вёл себя так смиренно, безропотно позволяя целовать себя в лоб, щёки и ладошки.

Едва Чжан Ли скользнул обратно в карету, Ин Чжэн послушно прикрыл глаза, делая вид, что засыпает под мягкие поглаживания Цзычу. Однако его мысли унеслись далеко назад, вслед за уводимым под конвоем в Ханьдань Люй Бувэем.

Глупо было бы отрицать очевидное: фигура Люй Бувэя до сих пор оставалась для него болезненной занозой.

Жажда власти, заложенная в крови клана Ин на грани безумия, бурлила в его жилах с первого вздоха. Он на дух не переносил никого, кто смел посягнуть на его безраздельное право править — будь то кровный родственник или безродный выскочка. А Люй Бувэй с самого начала наступил на эту самую опасную мозоль.

Когда-то в детстве Ин Чжэн робко надеялся, что слабый отец сможет уберечь его от невзгод, но Ин Ижэнь не оправдал надежд. Поэтому, когда тот загнал себя в могилу бесконечными утехами в объятиях наложниц, молодой царевич отыграл перед двором безутешное горе, хотя в душе оставался абсолютно глух и холоден. Он проводил отца в последний путь без тени сожаления.

Тогда, надев маску наивного отрока, он безропотно снёс унижение, когда Люй Бувэй лишил его трона под предлогом малолетства. Ин Чжэн прекрасно видел, как его собственная мать, Чжао Цзи, спелась со своим влиятельным любовником ради удержания власти. Мальчик был слишком слаб, чтобы дать им отпор, но обида жгла его изнутри. Именно тогда в его сердце пустили глубокие корни ядовитые семена ненависти.

Суровое детство научило его лицемерить с юных лет, притворяясь кротким перед одними и грозным перед другими. Он часами молча вникал в государственные дела под началом Люй Бувэя, подмечая, что тот предпочитает мягкую, постепенную тактику. И покорно подыгрывал ему, прикидываясь послушным учеником.

Ин Чжэн смотрел на опекуна со смирением, граничащим с сыновним почтением, безропотно снося скучные уроки и чуждые его натуре учения. Он умело водил регента за нос, жадно впитывая мудрость лучших умов империи, присланных обучать его. Но в глубине души его кумиром всегда оставалась суровая Школа Легизма, на которой веками ковалось величие Царства Цинь.

Не прошло и десяти лет, как бдительность Люй Бувэя была усыплена. Купец самолично возложил корону на его голову во время обряда совершеннолетия, вернув бразды правления законному государю. И стоило власти вновь оказаться в его руках, Ин Чжэн мгновенно сорвал фальшивую личину благонаравия, обнажил клыки и безжалостно растоптал своего благодетеля, лишив титулов и доведя до роковой черты.

Вспоминая триумф былого величия, младенец натянул на губах едва заметную улыбку. Прежде он полагал, что со смертью регента его старые обиды угасли навсегда. Но то, с каким неослабевающим интересом он ловил вести о купце сегодня, доказывало обратное: Люй Бувэй слишком долго оставался для него опаснейшим противником.

И вот этого грозного врага... его новый отец убрал с доски одним изящным ходом.

"Пожалуй, Ин Ижэнь не так прост, как казалось. Ранее я явно недооценивал его", — подумал

Ин Чжэн.

Сыграть на чужой алчности и пороках? Поистине тонкая, филигранная работа!

Размышления о человеческих слабостях увлекли будущего владыку Поднебесной, заставив окончательно отпустить призраки прошлого. Похоже, Люй Бувэй не стоил и выеденного яйца, если не сумел переиграть даже его благодушного родителя.

Ин Чжэн с долей превосходства взглянул на Цзычу и, как и ожидал, тут же услышал очередной восторженный вздох прямо над ухом. В его глазах блеснула искра тёплой насмешки. Повернув голову, он мягко прижался щекой к ладони отца.

Тем временем Люй Бувэй, разминувшийся с повозкой Чжан Ли, по мере приближения к стенам Ханьдани ощущал всё более нарастающую тревогу. Смутное беспокойство не давало ему покоя, пока конвоиры грубо не швырнули его на холодный пол перед чиновником Гунсунь Цянем. Лишь тогда купца точно обухом по голове ударило — пелена спала с глаз.

"Чжан Ли! — пронеслось в его голове. — Он всегда кичился своим благородством и изысканными манерами. Даже глубоко оскорблённый, он ни за что не опустился бы до столь грубых и базарных нападок... Цзычу с младенцем были в его экипаже! Нас попросту отвлекли, пока они беспрепятственно ускользали из ловушки!"

— Люй Бувэй! — взревел Гунсунь Цянь, брызжа слюной. — Когда ты прозябал в Царстве Чжао, наш дом всегда был открыт для тебя! Как же ты отплатил за моё великодушие? Подкупил стражу, вызволил беглого Наследного принца Цинь и обрёк весь мой род на лютую гибель?!

За последние несколько дней от былой холёности чиновника не осталось и следа: он похудел и осунулся от непрерывного страха. Каждое утро ему приходилось являться во дворец к вспыльчивому, гневному правителю Чжао, заверяя того в своей безграничной верности и вымаливая прощение. Отчаяние Гунсунь Цяня было столь велико, что он едва сдерживал желание выхватить меч и покончить с собой прямо на месте, лишь бы прекратить эти муки.

Разгадав замысел беглецов, Люй Бувэй почувствовал, как с души свалился огромный камень. На его лице тут же воцарилась маска глубочайшего изумления, а голос зазвучал с вкрадчивой мягкостью, столь привычной для бывшего торговца:

— Офицер Гунсунь, клянусь небом, вы возводите на меня напраслину.

— Ложь! — в неистовстве закричал Гунсунь Цянь. Тяжёлый бронзовый кубок с грохотом полетел на каменные плиты, расплёскивая вино. Ткнув в сторону купца дрожащим от ярости пальцем, чиновник затрясся всем телом.

Люй Бувэй медленно поднялся с колен, не торопясь расправил помятые полы халата и прямо взглянул на разгневанного хозяина дома.

— Офицер Гунсунь, не забывайте, что я прежде всего купец, а для купца выгода превыше всего, — заговорил он ровным, убедительным тоном. — Если бы побег устраивал я, разве оставил бы я нетронутыми богатства усадьбы? Я вывез из собственного жилища каждую мелочь, имеющую хоть какую-то ценность. А в покоях Наследного принца Цинь хранились истинные сокровища! Если бы за этим стоял Люй Бувэй, сундуки его усадьбы давно опустели бы. Можете сами проверить, если не верите моим словам.

Гунсунь Цянь отлично знал корыстную натуру собеседника и понимал, что в этих доводах есть резон. Однако перед его мысленным взором тут же возник образ служанки Люйцяо, чей живот в последнее время заметно округлился. Чиновник прищурился, погружаясь в сомнения.

Спустя минуту он негромко приказал слугам привести девушку. Указав на вошедшую Люйцяо пальцем, Гунсунь Цянь ледяным тоном спросил у купца:

— Разве она прибежала бы ко мне с доносом, если бы не пеклась о судьбе отца своего будущего ребёнка?

Люй Бувэй ещё со времён памятного пира подозревал, что расторопная девица умудрилась соблазнить самого Ин Ижэня. Вид её округлившегося живота не вызвал у него ни капли удивления. Не дрогнув ни единым мускулом лица, он спокойно ответил:

— Это моё дитя.

<http://bllate.org/book/18277/1750294>